

Хитров Михаил Иванович

**Сказание о житии
преосвященного Феофана и его
"затвор"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М69

М69 **Михаил Иванович Х.**
Сказание о житии преосвященного Феофана и его "затвор" / Хитров Михаил Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 161 с.

ISBN 978-5-521-29140-3

ISBN 978-5-521-29140-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ваніе, за матеріальні блага, обмивають війну всьому сучасному строю общества, не стѣснясь никакими нравственными вимогами, руководясь виключительно матеріальними, анірскими виставками... И вотъ среди насъ, въ концѣ пресловутаго девятнадцатаго вѣка, является «богатырь духа», ополченный высшими нравственными силами, который и своимъ сильнымъ словомъ и поразительнымъ подвигомъ цѣлой жизни свидѣтельствуєтъ о непобѣдимой силѣ христіанства, абсолютномъ достоинствѣ его вимогъ, ярко раскрывающій передъ нами дивную красоту и неисчерпаемость богатства этого единственно цѣннаго сокровища—истинно-христіанской жизни. Благодареніе Всевышнему, воздвигавшему великихъ наставниковъ во время бласфеміи... И довольно тѣснится въ голову сравненіе настоящаго съ давно минувшимъ: такъ же, какъ гениаль, въ концѣ прошедшаго вѣка, когда проповѣдь матеріализма, заразивъ лучшія головы въ Европѣ, проникла и въ наше отечество,—отрекшись отъ міра, въ тиши уединенія, великій святитель Христовъ св. Тихонъ писалъ свои вдохновенныя сочиненія «о духовной мудрости», о «слабости человѣческой», о «суетномъ и прелестномъ украшеніи», о «презрѣніи и отрицаніи міра», «о любви Божіей!..» Счастлива, благословенна Богомъ страна, произращающая столь дивные плоды, востановивъ божественно-духовное сѣмя, такъ мощно раскрывающееся въ нихъ свои силы!!...

Однако, въ настоящее время, когда едва минуло только 40 дней со времени кончины почившаго Святителя, было бы преждевременно распространяться о значеніи жизни и трудовъ его. Всестороннее изученіе ихъ и возможно-полная оцѣнка—впереді. Зато глѣзъ слышнѣе сказывается сердечная потребность поближе познакомиться съ нимъ самимъ, начертать насколько возможно цѣлѣе его лучезарный образъ. Къ величайшему прискорбію, у насъ вмѣстѣ пока слышкомъ мало дающихъ для выполненія этой задачи. Въ высшей степени желательно было бы увидать въ печати, подобно «Сказанію о житіи Оптинои старца отца іеросхимонаха

Амвросія, архимандрита Григорія (Бориспольскаго), «Письмамъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія» и «Сборнику его статей и писемъ» (см. *Душеполезное Чтеніе* за 1891, 1892, 1893 и текущій годы), — всѣхъ воспоминаній лицъ, знавшихъ въ Бозѣ почившаго святителя-затворника, которые пролили бы побольше свѣта на его ранніе годы, на домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ, на его семейныя отношенія и особенно на внутреннюю его жизнь въ «затворѣ». Въ настоящее же время, не смотря уже на извѣющіяся нѣкоторыя «сказанія» о почившемъ и доставленные намъ письма и замѣтки, почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о свѣтителѣ служатъ его сочиненія, которые, конечно, останутся и навсегда главнымъ пособіемъ при составленіи его полной біографіи: настолько ярко и жизненно отразился въ нихъ его образъ! Все, что онъ писалъ о себѣ, носитъ на себѣ неизгладимый слѣдъ его личности, все въ высокой степени оригинально, самобытно, наконецъ все извлечено изъ глубоко пережитого внутренняго опыта.

Починный—въ мірѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ—былъ сынъ священника Владимірскаго храма села Чернавска Елецкаго уѣзда Орловской губерніи, родился 8 января 1815 года. Первоначальное обученіе дано ему было въ родительскомъ домѣ.

За неимѣніемъ свѣдѣній о домашней обстановкѣ дѣтства почившаго, обратимся къ его сочиненіямъ и, полагаю, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что родители его старались дать ему воспитаніе въ духѣ церкви. «Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ, писалъ впоследствии владыка, есть церковность, въ которой necessarily должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, ради тишины и теплоты, отрѣшеніе отъ блестящаго и пріятельскаго въ мірской суетѣ, не могутъ лучше впечатлѣться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы—первыя изящнѣйшіе предметы по содержанію и по силѣ...

Пройдя курсъ духовнаго училища въ г. Ливнахъ, онъ поступилъ въ Орловскую духовную семинарію, гдѣ и обучался 6 лѣтъ отъ 1831 — 1837 года. Намъ слишкомъ хорошо извѣстны условія училищнаго и семинарскаго образованія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—такъ много было писано о темныхъ сторонахъ его, но нельзя отказать старой духовной школѣ въ одномъ великомъ преимуществѣ: въ цѣльности направленія и въ серьезномъ накалѣ мысли, которые давались ею, разумѣется, лучшимъ ея питомцамъ.

Свое образованіе закончилъ побойпшій въ Бѣсиковской духовной академіи въ составѣ десятаго курса (въ 1837 — 1841 годахъ). Товарищемъ его по академіи былъ покойный Московскій митрополитъ Макарій. За это время мы не можемъ его представить себѣ иначе, какъ свѣтлымъ, скромнымъ и благоговѣйшимъ юношей. «Будьте со всѣми привѣтливы, благодушны и веселы, какъ и всегда. Только отъ смѣха, смѣхотворства и всякаго пусторѣчія воздерживайтесь. И безъ этого можно быть и привѣтливою, и веселою, и пріятною. Никогда я ни подъ какимъ видомъ не угрюмичайтесь», писалъ святитель одной юной своей корреспонденткѣ. «Рѣка жизни нашей пресѣкается вознистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо являютъ дѣтя и отроки, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоплются на покою; одна юность кипитъ жизнью. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ... Что сказать о томъ, кто не только не любилъ христіанской жизни и истины, но даже никогда и не слыхалъ о нихъ?.. Онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію или сухой хворостъ, преданный горѣнію въ огнѣ... Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ все движенія и уклоненія его сердца? Это тоже, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ морѣ!! Что броженіе вскипяющей жидкости, что движеніе стихій при разпородной ихъ смѣси, то сердце юности. Все потребности таеъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая полаять голосъ, ищетъ удовольстворенія. Какъ въ природѣ нашей качесство разстрой-

ство, тажъ и совокупность этихъ голосовъ тоже, что безпорядочныя крики шумной толпы. Что жъ будетъ съ юпошею, если онъ напередъ не приученъ впадать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ? Если сія начала *глубоко запечатаны въ сердце въ первоначальномъ осмысленіи* и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души. Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ приложить эти слова къ пережитому опыту самого писавшаго ихъ...

Кіевскія пещеры и памятникъ свящ. старинны, безмолвные, по кристально чистымъ свидѣтелямъ великихъ подвиговъ русскаго иночества, безъ сомнѣнія, не разъ были посѣщаемы молодымъ студенствомъ, и, можетъ быть, въ тиши молитвеннаго уединенія среди нихъ созрѣла мысль объ отреченіи отъ міра.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, Георгій Васильевичъ Говоровъ дѣйствительно былъ постриженъ въ монашество ректоромъ академіи Іеремією (Соловьевымъ), впоследствии епископомъ Нижегородскимъ. Рано, какъ видно, почувствовалъ покойный свое истинное призваніе: его душевныя качества,—именно безконечная доброта сердца, голубиная кротость, спускательность къ людямъ, довѣрчивость и нѣкоторая застѣчивость въ обращеніи, сказывавшія уже и тогда, указывали ему не на поприще житейской борьбы и суеты... 7 апрѣля того же года юный инокъ былъ рукоположенъ во іеродіакона, а 7 іюня—въ іеромонаха.

Глубоко залегли въ душу юнаго ипока пережитыя тогда ощущенія. «Въ Кіевской академіи, тамъ вспоминалъ впоследствии Владыка-подвижникъ про это время, постигли насъ четверыхъ въ монахи. После постриженія мы отправились въ Лавру къ благочестивому старцу іеросхимонаху Пареевию, духовнику Митрополита и Лавры, умному молитвеннику.

«Вотъ вы ученые монахи, говорилъ старецъ; набравши себѣ правилъ, помните, что одно нужнѣе всего: *«молитесь и молитесь непрестанно умою въ сердце Іисусу, вотъ чего*

добивайтесь», и и съ молодыхъ дней этого искать и просить, чтобы никто не мѣшалъ имъ пребывать непрестанно съ Богомъ.»

Мы можемъ отчасти судить о томъ, какъ будущій великій подвижникъ готовилъ себя къ новой жизни. «Надобно вамъ, пишетъ онъ въ послѣдствіи,—всѣ вещи, какія бывають у васъ на глазахъ, перетолковывать въ духовномъ смыслѣ, и это перетолкованіе такъ набить въ умъ, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глазъ видѣлъ вещь чувственаую, а умъ созерцалъ вещь духовную. Напримеръ, видите вы пятна на бѣломъ платьѣ, и чувствуете, какъ непріятно и жалко это встрѣтить. Перетолкуйте это на то, какъ жалко и непріятно должно быть Господу, Ангеламъ и Святымъ видѣть пятна грѣховныя на душѣ нашей, убѣленной созданіемъ по образу Божію, возрожденіемъ въ купели крещенія или омытіемъ въ слезахъ покаянія. Слышите вы, что мыши дѣти, оставшись одни, полнимають бѣготню, шумъ и гамъ. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шумъ и гамъ въ душѣ нашей, когда отходитъ отъ ней вниманіе къ Богу со страхомъ Божіимъ. Обо-пяете вы вапахъ розы или другой какой, и вамъ пріятно, но, попавъ на теченіе дурнаго запаха, вы отвращаетесь и зажимаете носъ. Перетолкуйте это такъ: всякая душа издаетъ свой запахъ (Апостолъ говоритъ: мы благоуханіе Христово. 2 Кор. 2, 15—), добрая — хорошій, страстная — дурпой... Это я говорю вамъ только для примѣра, а всякая вещь можетъ порождать духовныя мысли, у одного — одні, у другого — другія. Какъ найдете болѣе для себя пригожихъ, такъ и перетолкуйте все, васъ окружающее и могущее встрѣтиться промѣ того. Начинайте съ дома и перетолкуйте все въ немъ, — самый домъ, стѣны, кровлю, фундаментъ, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочія вещи. Перейдите къ жильцамъ и перетолкуйте — родителей, дѣтей, братьевъ и сестеръ, родныхъ, слугъ, пріѣзжихъ и проч. Перетолкуйте и обычное теченіе жизни — вставаніе, одорованье, обѣдъ, работы, отлучки, возвращенія, чаепіе, угощенія, пѣніе, день, ночь и проч. и проч. и проч... Когда это сдѣлаете, то всякая вещь будетъ для васъ,

что книга святая или что статьи въ книгѣ. Тогда и всякая вещь будетъ приводить васъ къ мысли о Богѣ, какъ и всякое занятіе и дѣло. И будете вы ходить среди чувственнаго міра, какъ въ области духовной. Все вамъ будетъ говорить о Богѣ и поддерживать ваше вниманіе къ Нему.» Такимъ же путемъ, безъ сомнѣнія, и мысль молодого монаха рано научилась отрѣшаться отъ всего видимаго, отъ суеты житейской и возвысится въ міръ vyšшій, невидимый...

По окончаніи курса іеромонахъ Теофанъ, магистръ Богословія, назначенъ былъ исправляющимъ должность ректора Кіево-Софійскихъ духовныхъ училищъ и преподавателемъ латинскаго языка. Около пяти лѣтъ Теофанъ безъ перерыва подвизался на духовно-учебномъ поприщѣ—до 21 августа 1847 года. «Воспитателю, писалъ впоследствии преосвященный, должно пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впоследствии въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потому дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ и святыхъ. Воспитаніе всѣхъ святыхъ дѣлъ самое святое... Надобно такъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугожденіе, а наука есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никакъ не должно ставить ее такъ высоко, и въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы она занимала все вниманіе и поглощала всю заботу. Нѣтъ ничего ядовитѣе и гибельнѣе для духа христіанской жизни, какъ эта наука и исключительная объ ней забота. Она прямо свертываетъ въ охлажденіе, и потому можетъ навсегда удержатъ въ немъ... Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными... У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподають науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность или ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука —

дѣй области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ науки, и напѣтывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онъ не приходилъ въ благопріятное или неблагопріятное сопряженіе здѣсь?.. Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія и по духу преподаванія, то вѣтъ сомнѣній, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возмѣстятся, укрѣплятся и придутъ въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благотѣльно! Безъ сомнѣнія, столь же возвышенными взглядами руководился молодой наставникъ при прохожденіи педагогическаго поприща. За ревностное исполненіе своихъ обязанностей онъ удостоился благословенія св. Синода.

Въ теченіе указанныхъ выше пяти лѣтъ Оеодфанъ проходилъ слѣдующія должности: 7 декабря 1842 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ логики и психологіи въ Новгородскую духовную семинарію, а чрезъ два года, именно 13 декабря 1844 г. переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академию на должность бакалавра правительственнаго богословія. Его жизнь постепенно усложнилась: вмѣстѣ съ чтеніемъ лекцій на него 22 марта 1845 г. возложена должность помощника инспектора академіи, а съ 3 іюля того же года онъ былъ сдѣланъ членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаваемыхъ въ семинаріи учебныхъ предметовъ, но уже 25 мая 1846 г., будучи причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры, 21 августа подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности бакалавра и помощника инспектора академіи. Душа его стремилась въ болѣе сродную ей область строго-якобскаго служенія... Скоро Промисль Божій указалъ ему иное призваніе: іеромонахъ Оеодфанъ былъ назначенъ членомъ нашей миссіи въ Іерусалимъ, откуда возвратился въ 1853 г. Видъ Палестины, ея холмовъ и долинъ, сѣверныхъ озеръ и источниковъ удивительно ярко воскрешаютъ въ нашемъ вообра-

жизни библейскія событія. Можно себя представить, какъ богато читалась душа Теофана священными воспоминаніями. Его влекло въ древнія обители Палестины, въ знаменитую Лавру св. Саввы Освященнаго... Тамъ онъ могъ и слышать рассказы и самъ наблюдать уединенную жизнь подвижниковъ. Тамъ,—хорошо познавшемуся въ юности съ святынями русскаго Іерусалима — Кіева, Теофанъ имѣлъ возможность изучать на мѣстѣ и древнѣе разсадники восточнаго подвижничества. Писанія великихъ искусовъ восточной церкви, духомъ которыхъ онъ такъ глубоко проникся, получали для него особенную жизненность при созерцаніи священныхъ памятниковъ древности. За труды и заслуги въ качествѣ члена духовной миссіи въ Іерусалимѣ онъ возведенъ былъ въ 1855 году въ санъ архимандрита. Будучи, по возвращеніи въ Россію, назначенъ ректоромъ Олонецкой духовной семинаріи, онъ и года не пробылъ на этомъ посту: въ маѣ 1856 года ему пришлось отправиться въ Константинополь на должность настоятеля посольской церкви. Итакъ опять Востокъ... За это время онъ могъ хорошо узнать объ Афонѣ и тамошнихъ подвижникахъ. Отправляясь къ мѣсту своего назначенія, Теофанъ пожертвовалъ Олонецкой духовной семинаріи двѣ книги и рукописи своей бібліотеки, за что ему преподано было благословленіе Святѣйшаго Синода. По возвращеніи изъ Константинополя, архимандритъ Теофанъ 13 іюня 1857 года былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, по отъ послѣдней должности былъ уволенъ, по его просьбѣ, въ самомъ началѣ учебнаго года, а вмѣсто того ему поручено было наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божіа во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и ея окрестностей. Въ 1859 году 9 мая архимандритъ Теофанъ былъ посвященъ въ епископа, съ назначеніемъ управлять Тамбовской епархіей. Хиротонія была совершена 1 іюня въ Александро-Невскій лавръ высокопреосвященнымъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Григоріемъ. Пребываніе епископа Теофана на Тамбовской кафедрѣ было ознаменовано устройствомъ жи-

скаго духовнаго училища. Онъ нашелъ домъ и средства его купить и устроить сообразно назначенію, нашелъ и средства для обезпеченія училища. Все необходимое для жизни завсѣднія было сдѣлано пресвищескимъ, по ему не пришлось участвовать въ торжествѣ его открытія: 22 іюля 1863 года онъ переведенъ былъ на епископскую кафедру въ городъ Владиміръ, какъ епископъ «настоящимъ своимъ служеніемъ снискавшій потребную опытность для управленія столь обширною епархіей». (Слова указа Св. Синода). Въ бытность свою на Тамбовской кафедрѣ святитель замѣтилъ «и излюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше...» Три года преосвященный управлялъ Владимірскою епархіей и ознаменовалъ это время открытіемъ также и здѣсь женскаго епархіальнаго училища. Имъ же основаны въ Тамбовѣ *Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости* и во Владимірѣ — *Владимірскія*. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками божіе полныхъ свѣдѣній о дѣятельности преосвященнаго за періодъ его управленія тамбовскою и владимірскою паствой. По судя по внутреннему строю души его, мы можемъ полагать, какъ тяготила его административная дѣятельность и самая власть епископская. По свидѣтельству лицъ его знавшихъ, его кротость и снисходительность къ людямъ, его довѣріе къ нимъ были безграничны... А когда ему приходилось сдѣлать кому-либо выговоръ или порицаніе, онъ поручалъ своему ключарю исполнить за него эту тяжелую для его любвеобильнаго сердца обязанность...

Святитель обратился въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою уволить его на покой. Просьба была исполнена, и 17 іюня 1866 года епископъ Теофанъ былъ уволенъ «отъ управленія Владимірскою епархією и опредѣленъ настоятелемъ въ Шацкую общежительную Вышенскую пустынь, съ порученіемъ ему управленія оною и предоставленіемъ ему права пользоваться всѣмъ по званію настоятеля пустыни». Но его душа жаждала уже возможно полнаго уединенія, и настоятельство, сопряженное съ хозяйствомъ и со всѣми его мелочами, было бременемъ для Теофана. Въ сентябрѣ 1866 года преосвящен-

ный послать въ Св. Синодъ два прошенія, въ которыхъ писалъ, что «скудость содержания и хлопотливые способы добывать его не дадутъ ему покоя при управленіи обителью». Поэтому онъ просилъ уволить его отъ управленія обителью и исхотайствовать ему пенсію. Тутъ же онъ просилъ: 1) «предоставить ему право служить, когда пожелаетъ, 2) оставить за нимъ какое-либо вліяніе на монастырскія власти, безъ вмѣшательства въ дѣла монастырскаго управленія и 3) оставить за нимъ занимаемый имъ флигель съ тѣмъ, чтобы обитель какъ приспособила этотъ флигель къ помѣщенію его, поправляла что каждагодно потребуется и отопляла, такъ и помогала ему, преосвященному, въ добываніи нужнаго къ трапезѣ или даже и доставляла всю трапезу». Св. Синодъ своимъ опредѣленіемъ, отъ 19/28 септября 1866 года, постановилъ: 1) «уволить преосвященнаго епископа Феодѣна отъ управленія Вышенскою пустынею, 2) предоставить ему право служенія, когда пожелаетъ, 3) подчинить ему по церковно-служебной части братію Вышенской пустыни такъ, чтобы они совершали съ нимъ церковныя службы по его назначенію, 4) предоставить въ его распоряженіе занимаемый имъ флигель, обязать пустынь приспособить, ремонтировать, отоплять оный и исполнить желаніе епископа относительно граисы и 5) назначить ему пенсію въ 1.000 рублей со дш увольненія на покой отъ управленія Владимірскою епархіей», то-есть съ 17 іюня 1866 года. Съ тѣхъ поръ началась его подвижническая жизнь, продолжавшаяся 27 лѣтъ, съ тѣхъ поръ въ теченіе долгихъ лѣтъ «горѣлъ онъ, какъ свѣча или неугасимая лампада предъ ликами Христа, Богоматери Заступницы и святыхъ Божіихъ».

«Около шести лѣтъ, говоритъ свидѣтель-очевидецъ, горѣніе это было явное, ибо свѣтатель ходилъ ко всѣмъ службамъ Божиимъ, наравнѣ съ инокѣми, и къ ранней литургіи; слушая службы Божіи, стоялъ онъ благоговѣнно, тихо, не озираясь нигдѣ, бодренно, какъ воинъ предъ царемъ, такъ и онъ предъ Христомъ Царемъ небеснымъ, очи свои закрывая, ради собранности ума и сердца въ молитвѣ; случалось,